

Настало утро дебютного бала. Беатрис, которая никак не могла прийти в себя после того, как её ранним утром разбудила Лора, таскали туда-сюда. Хотя она не любила, чтобы кто-то помогал её, когда она принимает ванну, горничные, которые сумели уговорить её, вымыли Беатрис несколько раз.

Ополоснув её тело цветочной водой, они нанесли на неё парфюм с таким же ароматом и тщательно высушили её чёрные волосы сухим полотенцем. Беатрис всё ещё спала. Никто бы и в жизни не догадался, потому что она всегда смотрела вниз с бесстрастным лицом, но из-за того, что впервые за долгое время она рано проснулась, Беатрис казалось, что всё происходит во сне.

Высушив волосы, они подстригли ногти на руках и ногах и усадили её перед зеркалом. Одна горничная бережно подхватила гладкие распущенные волосы и приподняла их, а другие начали накладывать макияж. Они нанесли на её белое лицо, которое почти не видело солнечных лучей, подходящую по тону пудру, а на щёки розовые румяна, чтобы придать им лёгкий румянец.

Брови и глаза уже были чётко очерчены, поэтому брови лишь подстригли, ресницы подкрутили, а на веки нанесли тени, созданные путем перетирания золота и жемчуга. Хотя они не были тёмными, тени сияли каждый раз, когда на них попадал солнечный свет, словно звёзды.

После того как её губы слегка подкрасили, макияж был завершён, и пришло время заняться причёской. Горничные завивали прямые волосы Беатрис с помощью раскалённого железного прута и укладывали их волнами. Другие же обмахивали её веерами, чтобы она не вспотела. Окно открыли нараспашку.

В этот момент Беатрис не могла не проснуться. Когда она подумала о том, что придётся заниматься этим ещё несколько часов, то решила, что отказаться от участия в дебютном бале не такая уж плохая идея. Конечно, у горничных, которые трудились в поте лица, не было времени обратить внимание на то, о чем думала Беатрис.

Когда с причёской было закончено, её предварительно подстриженные ногти слегка смочили водной краской, полученной путём выжимания цветов, а затем покрыли тонким слоем золотого порошка и закрепили с помощью специальной затвердевающей жидкости.

На какое-то время они задумались, не прикрыть ли длинный шрам на задней части её шеи, но затем покрыли его пудрой в тон, как сказала им герцогиня. Очертания шрама стали размытыми, поэтому под ожерельем он должен был быть незаметным. После макияжа и причёски настало время надеть платье и украшения. Беатрис подумала, что не знала, что для того чтобы нарядить одного человека, нужно столько рук.

Платье, которое бережно несли горничные, сияло мягким перламутровым светом. Верх с открытыми плечами, расшитый кружевом, выглядел скорее элегантно, чем роскошно. Полупрозрачные рукава опускались чуть ниже локтей. Середина платья и юбка были сшиты из

глянцевого белого атласа. Усеянная белыми драгоценными камнями и россыпью жемчуга, распределенными изящными изгибами, юбка сверкала, как и её глаза, при каждом движении. Белая вуаль, которая покрывала жемчужную юбку, окутывала её, словно туман.

— Мисс, вы сегодня такая красивая, — восторженно посмотрела на неё Лора.

После её слов Беатрис посмотрела на себя в зеркало. До этого она как-то не обращала внимание на то, что на ней было надето. Беатрис чувствовала себя странно из-за незнакомого для нее вида и лишь моргала. Вскоре другая горничная принесла ей серебряные туфельки и надела их на ноги. Обычно Беатрис носила обувь на высоком каблуке, но в этот раз решила надеть на относительно низком, потому что она была выше среднего роста.

Затем на неё надели серьги и ожерелье из крупного жемчуга, а голову украсили нитями, на которые были нанизаны бриллианты. Если на неё попадёт свет от праздничной люстры, то она, безусловно, будет вся сверкать, как живая драгоценность, терзая глаза других людей, но горничным словно этого было недостаточно — они посыпали серебряной пудрой её волосы и юбку. Она будет настолько ослепительна, что никто после бала не сможет вспомнить её лицо. Но будет выделяться. Леди, которая светится сама по себе.

Когда Беатрис снова посмотрела на себя в зеркало, то даже её глаза мягко сияли золотом из-за золотистой пудры. На первый взгляд она выглядела элегантно с минимум украшений, но горничные мастерски украшали её серебряной и золотой пудрой. Если собрать всю золотую и серебряную пудру, которой украсили её тело, скорее всего, она заполнит её ладонь. Когда Беатрис будет ходить по бальному залу, то всё это будет осыпаться. Каждое место, где она пройдёт, будет сверкать. Говорят, что красивые люди не оставляют за собой следов, а Беатрис, скорее всего, наследит на каждом шагу.

Близились начало бала, когда горничные каким-то образом закончили все приготовления, несмотря на то, что их леди была словно ленивая кошка и отказывалась с ними сотрудничать. Они начали ранним утром, но солнце уже клонилось к закату. Беатрис ещё даже не отправилась на бал, а уже устала. Когда она коснулась своего лба, потому что почувствовала головокружение, горничные подняли шум и снова начали приводить в порядок её причёску. Беатрис не хотела тратить ещё время на макияж, поэтому спокойно опустила руку.

— Мисс, прибыл герцог Маркес.

— Мне надо идти.

Беатрис вышла из комнаты, мысленно аплодируя герцогу, который прибыл как раз вовремя. Лора преданно последовала за ней. Она не могла пойти вместе с Беатрис на бал, потому что была горничной, а не камеристкой. Когда они спустились в холл, герцогиня и Феликс уже вышли и приветствовали герцога Маркеса. Каллекса нигде не было видно, похоже, он отправился за Флорией.

Беатрис на мгновение замерла наверху лестницы, безучастно наблюдая за этой сценой.

Зрелище было очень странным. Герцогиня, которая, заметив её, удивлённо на неё посмотрела, а затем лучезарно улыбнулась, взгляды двух ошеломлённых мужчин. Всё это.

Агата изумилась, увидев свою дочь на ступеньках лестницы, ведущей в холл. Она думала, что Беатрис красивая даже тогда, когда та была скромно одета, но наряженная подобным образом её дочь напоминала герцогине ангела. Было очень мило, когда, встретившись с ней глазами, Беатрис застенчиво опустила взгляд.

Когда она медленно спускалась по лестнице, Агата незаметно ткнула герцога Маркеса локтем в бок, который, видимо, был очарован. Получив удар, Канеман отреагировал незамедлительно:

— Вы очень красивы сегодня.

На лице приближающейся Беатрис появилась довольно естественная улыбка. Она посмотрела на него и произнесла:

— Герцог тоже сегодня очень красив.

Дизайн наряда герцога Маркеса соответствовал её платью, но цвета были противоположными. Тёмно-синий фрак, который казался почти чёрным, был украшен жемчужными манжетами и белыми опалами. Тёмная ткань плавно окутывала его тело, похожее на перевернутый треугольник: от широких плеч до узкой талии, делая его похожим на расслабленного хищника с чёрным мехом.

Агата коротко рассмеялась, услышав её ответ, а герцог растерянно улыбнулся. Её манера возвращать собеседнику его же слова делали её наивной и прелестной в их глазах. Агата бросила на герцога Маркеса взгляд, в котором ясно читалось, чтобы он хорошо заботился о Беатрис, и тот моргнул в ответ.

— Теперь, когда тебя нарядили, на тебя немного приятнее смотреть, — выпалил удивлённый Феликс, не в силах скрыть свое изумление.

Но как только он произнёс эти слова, то тут же закрыл рот под взглядом герцогини. Феликс недовольно хмыкнул, но промолчал, потому что боялся свою мать. Убедившись, что её сын больше не раскроет рта, Агата произнесла голосом, полным нежности:

— Дорогая, ты сегодня такая красивая.

— Герцогиня, вы тоже прекрасны.

— Правда? Сегодня я тоже уделила много внимания своему наряду.

Улыбающаяся герцогиня была одета в светло-зелёное платье из мерцающей ткани, украшенное драгоценными камнями, её песочного цвета волосы были подняты вверх. Её наряд сверкал словно млечный путь — столько драгоценных камней, золото и серебра было на нем. Беатрис посмотрела на неё и испытала некоторое облегчение. Она будет не единственным светящимся человеком на балу.

— Тогда пойдём?

Маркес протянул руку Беатрис, и та, естественно, взяла её. Братья не могли сопровождать дебютанток, но это не значит, что они не могли присутствовать, поэтому герцогиня пригласила Феликса на бал в качестве её кавалера. Беатрис села в карету Канемана Маркеса. Лошади герцога заволновались, но опытный кучер успокоил их.

— Нервничаете? — спросил Канеман, когда карета отъехала.

Беатрис, которая как обычно смотрела в окно, повернулась и посмотрела на него. Несмотря на то, что они переписывались, это была их первая встреча с момента знакомства, потому что герцог был очень занятым человеком.

— Не уверена. Я голодна.

Беатрис ничего не ела со вчерашнего вечера, не говоря уже о завтраке. Агата хотела спросить, нужно ли ей это, но Лора, её временная горничная, осмелилась остановить герцогиню, сказав, что это её первый дебют и он должен быть идеальным. Агата отступила, несмотря на свое недовольство. Как бы мало ни ела Беатрис, она, естественно, была голодной, пропустив вчерашний ужин. Канеман коротко рассмеялся.

— Вы сможете вдоволь поесть на балу.

— В таком случае я очень рада.

Его лёгкая улыбка была ей незнакома, и Беатрис пристально посмотрела ему в лицо. Герцог Маркес казался другим человеком, потому что в прошлом она видела его лишь тогда, когда он пытался поймать и убить её. Канеман ничего не сказал, встретив пристальный взгляд Беатрис, продолжавшей смотреть на него. Это позволило ей продолжать размышлять о своем прошлом. Через некоторое время она очнулась, когда он заговорил:

— Вы хотели себе другого человека в кавалеры?

— Нет, ничего подобного.

— Вот как?

Канеман снова улыбнулся, приподняв уголок рта. Но Беатрис могла сказать, что эта улыбка была неискренней. Тёмно-синие глаза, казавшиеся чёрными в темноте кареты, совсем не шевелились. Беатрис слегка наклонила голову, почувствовав перемену в его настроении. Её ухоженные черные волосы рассыпались по плечам.

— Вы снова смотрите сквозь меня, — прошептал он, слегка понизив голос, словно говорил о какой-то тайне. — Кажется, вы думаете о другом мужчине.

<http://tl.rulate.ru/book/60750/1984557>